

НОВЫЕ ИМЕНА

Ирина Асмус

— Ирина Павловна, как это случилось? Жила в Ленинграде драматическая актриса Асмус, играла в Театре имени Комиссаржевской серьезные роли, снималась в кино. И вдруг — цирк, да еще клоунада, смешная АБВГДейка...

— Наваждение, — смеется Асмус. — Знаете, как убегают невесты прямо из-под венца? Так и у меня примерно. А если серьезно... Я ведь с цирка начинала как артистка. Окончила государственное училище циркового искусства, выступала на арене с группой эквилибристов на шестах. Но убедилась вскоре: занимаюсь не своим делом. Расставалась с цирком трудно... Потом был театр — замечательный коллектив, в котором радостно работать, свой дом, спокойная семейная жизнь. И в один прекрасный день все это оказалось на втором плане. Меня пригласили выступить под Новый год на елочных представлениях в Ленинградском цирке. Я работала в паре с талантливым клоуном Анатолием Марчевским. Он — Крокодил Геной, я — Старухой Шапокляк... Что-то необыкновенное творилось со мной в тот вечер. Точно после долгих скитаний я вернулась наконец... к самой себе. Я забыла, что я артистка, что у меня есть текст. Я была маленькой девочкой, которую родители впервые привели на карнавалый праздник. Нас «несло» в тот вечер с Марчевским — мы оба импровизировали, легко подыгрывали друг другу...

Вы верите в чудеса? Я — верю! В перерыве меня разыскал за кулисами народный артист СССР Владимир Александрович Волжанский, руководитель знаменитого коллектива «Прометей». «Слушай, Ира, — сказал он, — по-моему, ты прирожденный клоун. Если не возражаешь...» «Не возражаю!» — закричала я, не дослушав его до конца. Я уже твердо згла в этот миг: любой ценой, сквозь любые преграды, но я вернусь в цирк и стану клоунессой.

— Сейчас, когда уже, как говорится, все страхи позади, могу вам признаться: я шел на ваше первое представление с опаской и предубеждением. Появление на ковче женщины в нелепых клоунских шароварах, с размаляванным лицом, получающей от партнеров неизбежные тычки и затрепидины, казалось мне вызовом хорошему вкусу, неоправданной бравадой. Не было, мол, в нашем прославленном цирке клоунесс, так нате вам! Изумляйтесь!..

— Но теперь-то вы думаете, надеюсь, по-другому?

— А иначе зачем бы эта наша с вами беседа?

— Вы затронули очень важный для меня вопрос. Думаю, и для любого артиста. С чем и для чего мы выходим к зрителю? Меньше всего я собиралась ошарашивать публику своей смелостью: «Ах, смотрите, эта Асмус делает все на ковче не хуже мужчин!..» Ради этого не стоило ломать жизнь, начинать ее опять с нуля. Ведь я вернулась в цирк безоружной — растренирован-

ной физически, не имея своего репертуара, смутно чувствуя только будущую свою клоунскую маску. Но зато я знала твердо, что хочу сказать зрительному залу! В крошечных трехминутных моноспектаклях на ковче я хотела оставаться тем, кем родилась на белый свет. Женщиной. Смешной, и нелепой, и озорной, и лукавой, и взбалмашной, но — женщиной! И потому — никакого камуфляжа под некое бесполое существо, никаких, как вы выразились, тычков и зубочин!

— А не уходите ли вы тем самым от цирковой клоунады? Простите за примитивное толкование вашего ремесла, но ведь клоун должен быть прежде всего смешным, должен заставлять публику смеяться...

— Конечно, должен. Смеяться, улыбаться, веселиться. Но только как? С помощью каких средств? И что вы имеете в виду, когда говорите об истинно цирковой клоунаде? Ведь цирк — не застывшее понятие. В чем-то он, конечно же, традиционен — иначе бы он потерял лицо. Но цирк — и это совершенно неизбежно — меняется вместе со своим временем. На арене теперь поют, здесь увидишь и балет, услышишь серьезную музыку... Выступление воздушных гимнастов под управлением Владимира Волжанского — это не просто ряд сверхсложных спортивных трюков под куполом, это целый сюжетный спектакль, идущий под музыку Скрябина... То же — и с клоунадой. Сегодняшнему зрителю не всегда хочется смеяться при виде бесконечных падений, пощечин, поливаний водой, спадающих штанов...

— ...Ой, не скажите! Над этим антре коверных зрители хохочут до колик в боку...

— На здоровье, как говорится. А я работаю на ту часть зала, для которой шутка, забавная мысль, сатира, наконец, должны быть упакованы в изящную обертку. Юмор стал взрослее и интеллигентней — это поняли и претворили в своем творчестве мои бывшие сокурсники по цирковому училищу Андрей Николаев и рано ушедший из жизни Леонид Енгибаров, клоуны, на мой взгляд, истинно современные. Новизна их — в умном репертуаре, который не перестает быть смешным, в отточенной форме, чувстве стиля. Каждый из них, конечно же, рисковал, уходя с проторенных путей. Но кто не рискует, тот не выигрывает, не так ли? Недаром ведь — прислушайтесь — в моем артистическом псевдониме Ириска присутствует слово «риск».

— Кстати, откуда у вас этот псевдоним?

— Подарок известного драматурга Александра Володина... Получилось так, что мой цирковой дебют совпал с телевизионным, я должна была впервые сниматься в популярной ныне «АБВГДейке». К началу съемок у всех моих партнеров по передаче уже были свои забавные имена: Клепа, Левушкин, одна я оставалась безымянной. Вечером я отработала на арене первое отделение, влетела, еле живая, за кулисы, и тут меня увидел заглянувший в цирк добрый мой знакомый Володин. Он спросил участливо: «Ириска, как дела? Очень устала?..» И тут меня осенило: вот же мой псевдоним!

— И наконец, традиционный, но неизбежный вопрос: чего бы вы сами себе пожелали?

— Новых реприз! Хотя я мало в это верю, но, авось, сбудется. Клоуны буквально мучаются из-за отсутствия своего репертуара. Назовите мне, пожалуйста, хоть одного писателя-сатирика, постоянно пишущего клоунские репризы. Вот видите! А смеяться все хотят...

Интервью вел Г. КРЮК.